

много помочь человеку в освоении религиозной истины, но никогда не сможет заменить ее: "Нашу веру следует подкреплять всеми силами нашего разума, но всегда памятуя при этом, что она зависит не от нас и что наши усилия и рассуждения не могут привести нас к этому сверхъестественному и Божественному познанию". Более того, наука без веры приводит человеческое сознание к атеизму – "учению чудовищному и противоестественному", по определению Монтеня.

Учение Мишеля де Монтеня о мудрости повседневной жизни стало крайне популярным в XVI–XVII вв., а его «Опыты» – одной из самых читаемых книг. Связано это было с тем, что произведения Монтеня оказались полностью созвучны новой социально-политической и духовной реальности, в которой начала жить Западная Европа в XVI–XVII столетиях. Все более набирающий силу буржуазный уклад жизни постепенно приводил западноевропейскую цивилизацию к торжеству принципов индивидуализма.

Монтень оказался одним из первых, кто откровенно заявил о нуждах и желаниях "личного Я" в условиях новой исторической эпохи. И не зря многие мыслители последующих времен столь часто обращались к мудрости «Опытов» французского философа. Подводя своеобразный итог развитию гуманистических учений, идеи Монтеня были обращены в будущее. Потому и сегодня «Опыты» стоят в ряду книг, в которых современный человек открывает для себя прелести повседневности.

ОПЫТЫ. ФРАГМЕНТЫ

Публикуется по: Мишель Монтень. Опыты. В 3 кн. М., 1979–1980. 2-е изд. Кн. 1. С. 150–166; Кн. 2. С. 387–388; Кн. 3. 158–198. Перевод А. С. Бобовича, Ф. А. Коган-Бернштейна.

<...> Душа, вместившая в себя философию, не может не заразить своим здоровьем и тело. Царящие в ней покой и довольство она не может не излучать вовне; она не может, равным образом, не переделать по своему образу и подобию нашу внешность, придав ей, соответственно, исполненную достоинства гордость, веселость и живость, выражение удовлетворенности и добродушия. Отличительный признак мудрости – это неизменно радостное восприятие жизни; ей, как и всему, что в надлунном мире, свойственна никогда не утрачиваемая ясность. Это *baroco* и *baralipton*⁶² измазывают и прокапчивают своих почитателей, а вовсе не она; впрочем, она известна им лишь понаслышке. В самом деле, это она утишает душевные бури, научает сносить с улыбкой болезни и голод не при помощи каких-то воображаемых эпициклов, но опираясь на вполне осязательные, естественные доводы разума. Ее конечная цель добродетель, которая пребывает вовсе не где-то, как утверждают схоластики, на вершине крутой, отвесной и неприступной горы. Те, кому доводилось подходить к добродетели ближе других, утверждают, напротив, что она обитает на прелестном, плодородном и цветущем плоскогорий, откуда отчетливо видит все находящееся под нею; достигнуть ее может, однако, лишь тот, кому известно место ее обитания; к ней ведут тенистые тропы, пролегающие среди поросших травой и цветами лужаек, по пологому, удобному для подъема и гладкому, как своды небесные, склону. Но так как тем мнимым философам, о которых я говорю, не удалось познакомиться с этой высшею добродетелью, прекрасной, торжествующей, любвеобильной, кроткой, но, вместе с тем, и мужественной, питающей непримиримую ненависть к злобе, неудовольствию, страху и гнету, имеющей своим путеводителем природу, а спутниками – счастье и наслаждение, то, по своей слабости, они придумали этот глупый и ни на что не похожий образ: унылую, сварливую, привередливую, угрожающую, злобную добродетель, и водрузили ее на уединенной скале, среди терниев, превратив ее в пугало, устрашающее род человеческий.

Мой воспитатель, сознавая свой долг, состоящий в том, чтобы поселить в воспитаннике желание не только уважать, но в равной, а то и в большей мере и любить добродетель, разъяснит ему, что поэты, подобно всем остальным, подвержены тем же слабостям; он также растолкует ему, что даже боги, и те прилагали гораздо большей усилий, чтобы проникнуть в покои Венеры, нежели в покои Паллады. И когда его ученик начнет испытывать свойственное молодым людям томление, он представит ему Брада манту и рядом с нею Анжелику, как возможные предметы его обожания: первую во всей ее непосредственной, не ведающей о себе красоте, – деятельную, благородную, мужественную, но никоим образом не мужеподобную, и вторую, исполненную женственной пре-

⁶² *Baroco*, *baralipton* (лат). – модусы силлогизмов.